

**Старина, памятники,
предания и легенды
Прикамского края**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С75

С75 Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 82 с.

ISBN 978-5-4241-7954-9

Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. Очерк

ISBN 978-5-4241-7954-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

азань, смирились черемисы и чувашы, пала и Астрахань, бжали и ногаи. Отъ самыхъ истоковъ до устья Волга сдѣ-
алась уже русскою рѣкою. Нужно было очистить пути этой
ѣрки, а для этого требовалось заселить поволжскій край,
одворить въ немъ порядокъ и спокойствіе среди враждеб-
ныхъ народностей прежнихъ двухъ царствъ—Казанскаго и
Астраханскаго. Гдѣ было тогда думать еще о прикамскомъ
графѣ?

Вотъ почему этотъ край, за исключеніемъ нѣкоторыхъ
пунктовъ, не былъ заселяемъ и оставленъ въ покоѣ. Рѣка
Кама служила только проѣзднымъ путемъ для войскъ, иду-
щихъ въ Пермь, а потомъ въ Башкирію и Сибирь. Мало-
по-малу русскій народъ разобрался въ своихъ богатствахъ,
устранилъ представляемыя на пути препятствія къ владѣ-
нію ими, сумѣлъ отдать отчетъ въ полученномъ наслѣдіи и
захотѣлъ извлечь выгоду изъ счастливо сложившихся для
него обстоятельствъ. Очередь дошла и до прикамскаго края.

Слухи о изобиліи и удобствахъ мѣстъ этого края ус-
пѣли уже облетѣть Россію, и вотъ толпы русскихъ поселен-
цевъ потянулись сюда и стали выбирать мѣста получше да
попривольнѣе, а жилища свои стали ставить, для безопас-
ности, ближе къ рѣкѣ. Туземцы, зная уже силу Москвы, не
смѣли препятствовать этой селитбѣ. Мало-по-малу возник-
ли здѣсь, подъ прикрытіемъ городовъ, болѣе или менѣе
укрѣпленныхъ, починки, селенія и слободы. Иностранцы, усту-
пая свои населенныя мѣста, удалялись, наоборотъ, отъ бли-
зости рѣки и уходили въ глубь материка, селясь около лѣ-
совъ. Это мы видимъ изъ того, что по побережью Камы почти
совсѣмъ не находится инородческихъ селеній. Только нѣко-
торые изъ инородцевъ, болѣе устойчивыя и менѣе способ-
ныя къ ассимиляціи, не страшились жить въ близкомъ со-
сѣдствѣ съ русскими; нѣкоторые изъ нихъ стали жить даже
и въ самыхъ русскихъ городахъ. Къ такимъ инородцамъ
принадлежали омагометанившіеся уже инородцы: татары, баш-
киры, тептери и другіе.

Не легко было, разумѣется, подчинить разношерстную

массу инородцевъ московскому режиму. Какихъ либо кроткихъ мѣръ и заботливости въ отношеніи инородцевъ не прилагали. Вѣрнѣе всего, что они прежде не свободны были отъ произвола и притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей. Глухой протестъ инородцевъ нерѣдко вырывался наружу въ видѣ отместки. При всякомъ удобномъ случаѣ инородцы гордо поднимали голову, и какъ только появлялся между ними смѣлый вождь, они жестоко мстили русскимъ, нападая на ихъ поселенія и страшно опустошая ихъ. Такую же роль исполняли по временамъ и шайки разбойниковъ. Появленіе ихъ служило, съ одной стороны, какъ бы живымъ протестомъ противъ существовавшаго управления и власти; съ другой—объясняется желаніемъ нѣкоторыхъ лицъ искать себѣ такой вольности, которая была бы въ своихъ дѣйствіяхъ ничѣмъ не обуздана.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ прикамскій край долгое время служилъ ареною бунтующихъ инородцевъ и разбойниковъ. Почти каждое старинное русское селеніе хранить преданіе о неистовствахъ разнаго рода грабителей. Въ одномъ мѣстѣ вы слышите о Балканкѣ, Хамиткѣ, въ другомъ называются имена Салавата, Алдаръ-Бей, Акал и другихъ. Мѣстомъ, откуда появились эти вору-грабители, была Башкирія, расположенная по р. Бѣлой и ея притокамъ. Имена русскихъ разбойниковъ не сохранились въ памяти народа, но притоны разбойничьихъ шаекъ иногда указываются. Только такія крупныя личности, какъ Пугачевъ, называемый здѣсь Пугачомъ, и его сподвижники, вродѣ Власьева, овладѣвшаго г. Сарапуломъ, удерживаются въ народной памяти. Этотъ Пугачъ надалѣ большого страха прикамскимъ жителямъ. Бѣглымъ маршемъ пройдя Башкирію, онъ у города Осы переправился черезъ Каму и отсюда гибельною волною прошелъ чрезъ весь почти край до самой Казани. И Волжскій, и Камскій края одинаково были ваволнованы его мятежомъ. Успокоились отчасти только тогда, когда этотъ злодѣй былъ пойманъ и казненъ. Но разборка причинахъ вспыхнувшаго на сѣверо-востокѣ мятежа, къ

которому многіе изъ жителей поволжья и прикамья были прикосновенны иногда и поневоль, была затруднительна и тягостна ¹⁾ для этихъ жителей. Изреченное, въ концѣ 1775 года, императрицей Екатериной II милостивое слово амнистїи лучше всякихъ карательныхъ мѣръ подѣйствовало для полнаго умиротворенїя края.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камскаго побережья, въ числѣ мѣстныхъ, разбойниковъ называютъ и Стеньку Разина, который однако не разбойничалъ по Камѣ, а былъ только грозою Волги. Но въ глазахъ народа, естественно, всѣ неясныя и далекія преданїя о разбойникахъ привязываютъ къ тѣмъ немногимъ именамъ, которыя почему-либо запечатлѣлись въ его памяти. Вѣроятно, въ эпоху разиновщины умы народа были взволнованы и въ прикамскомъ краѣ.

Въ настоящее время край этотъ вполне спокоенъ. Пароходство окончательно уничтожило разбой. Большая часть инородцевъ, какъ-то: пермяки, вотяки, черемиса, бесермяне и часть даже татаръ (новокрещены) обрусѣла. Несомнѣнно, такому благому результату отношенїй содѣйствовалъ много уживчивый и общительный характеръ русскаго народа. Изъ числа инородцевъ болѣе заботъ русскому правительству представляли малосклонные къ осѣдлости и уживчивости башкиры. Время, однако, угомонило мятежный духъ этихъ жителей лѣсовъ и степей. Теперь и башкиры сдѣлались мир-

¹⁾ Тягостна потому, что жители, позабывъ недавнее горестное испытанїе, начали клеветать и оговаривать другъ друга въ измѣнѣ, а учрежденная въ Казани коммиссія придавала большую вѣру всякому оговору. Можно думать, что эта коммиссія дѣйствовала далеко не безпристрастно. Такъ, извѣстно, что предсѣдатель оной, камеръ-юнкеръ Потемкинъ, изъ-за личностей, обвинилъ, по одному оговору, Казанскаго архїепископа Венїамина Григоровича въ тайныхъ сношенїяхъ съ Пугачевымъ. Потемкинъ вызвалъ архїерея въ коммиссію и здѣсь арестовалъ его, лишивъ преосвященнаго всякихъ способовъ къ оправданїю. Императрица Екатерина II, узнавъ о семь арестѣ, вытребовала все дѣло въ Москву и сама опросила лично оговорщика, «бездѣльника» Аристова. Последний сознался въ клеветѣ на архїерея, равно и въ томъ, что былъ къ тому подученъ. Императрица тотчасъ же къ невинному преосвященному отправила письмо и пожаловала его саномъ митрополита Казанскаго. Въ этомъ санѣ Венїаминъ, добродѣтельный и преданный религіи человекъ, оставался до самой своей смерти.

ными поселянами, главнымъ занятіемъ которыхъ служатъ земледѣліе и пчеловодство.

Въ своемъ очеркѣ, помимо краткихъ историческихъ свѣдѣній о той или другой мѣстности края, я буду сообщать всякаго рода преданія и легенды, равно останавливаясь на памятникахъ глубокой старины (городищахъ, могильникахъ) по скольку все это извѣстно мнѣ самому, какъ уроженцу прикамскаго края.

II.

Многоязыный притокъ Волги.—Соперничество Камы съ Волгою.— Народное званіе объ этомъ.—Древнее названіе Камы.—Отъ какого народа Кама получила свое названіе.—Тувемные народы, титулюющіе себя именемъ Камы.—Старинное названіе притока Камы, Вятка.—Серебряные булгары.—Нугратцы.—Вятка—два различныхъ рѣки.

На шестьдесятъ верстъ ниже Казани впадаетъ въ Волгу р. Кама. При взглядѣ на нее можно убѣдиться, что этотъ многоводный притокъ смѣло можетъ спорить съ Волгою первенствѣ. Для человѣка, незнакомаго съ названіями обѣихъ рѣкъ, Кама, по своей ширинѣ и видимой глубинѣ темныхъ водъ своихъ, легко можетъ показаться главной рѣкою, а не притокомъ Волги. Напоръ ея водъ настолько силенъ, что сразу сбиваетъ Волгу съ крѣпкой позиціи. Въ этихъ порѣхъ Волга держалась юговосточнаго направленія, теперь, отброшенная Камой, она круто поворачиваетъ на юго-западъ. Стихійная борьба этихъ двухъ великановъ рѣкъ оканчивается, однако, побѣдой Волги надъ Камой. Какъ извѣстно, широкая полоса Камы долго сохраняетъ въ Волгѣ свой собственный цвѣтъ и только верстъ за двѣсти начинаетъ мало-по-малу терять его. Такимъ образомъ мутная желтая Волга, въ концѣ концовъ, всетаки поглощаетъ себѣ индивидуальность Камы.

По народному сказанію, Кама не безъ борьбы уступила свою самостоятельность, слившись съ ея водами. Народное сказаніе объ этомъ таково: «Кама съ Волгой спорить не хотѣла въ нее течь. Сначала хотѣла воду ея отбить,

половины отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрость. Уговорила её съ коршуномъ: «Ты, коршунъ, крикни, когда я на той сторонѣ буду, чтобы я слышала, а я подь Волгу подроюсь и выйду въ другомъ мѣстѣ». — «Ладно», — отвѣчаетъ коршунъ. Вотъ Кама и начала рыться подь Волгу. Рылась, рылась, а тѣмъ временемъ коршуна беркутъ запримѣтилъ и погнался за нимъ. Тотъ испугался и закричалъ какъ разъ надь серединой Волги. «Кама», услыша этотъ крикъ, думала, что она на томъ уже берегу, выскочила изъ подь земли и прямо въ Волгу угодила» 1).

Несомнѣнно, что обѣ рѣки были прежде многоводнѣе и величественнѣе. Волга отошала водою сравнительно съ Камой, почти не имѣющей мелей до впаденія въ нее Бѣлой, потому, быть можетъ, что по бассейну ея значительно больше вырублены лѣса, чѣмъ по бассейну ея притока. Древніе хозары, булгары и за ними татары и не думали считать Каму притокомъ: для нихъ Камо-Волга была одна рѣка, которую они называли Итиль или Идель.

Нынѣшнее свое названіе Кама получила отъ народа финскаго племени: на языкѣ вотяковъ «Камъ» значитъ долгая. Чтобы дать болѣе полное представленіе объ этой рѣкѣ, вотяки прибавляютъ слово «буджимъ». «Буджимъ-Камъ» значитъ большая и долгая рѣка 2). Жившіе первоначально по Камѣ пермяки и зыряне, принадлежащіе къ одной фамиліи, прозываютъ себя и сейчасъ по имени Камы—Кама-Мортъ и Кама-Ясъ 3).

Русскіе, усвоившіе отъ вотяковъ названіе Камы, не хотѣли удержать ихъ мѣстное названіе для притока ея—Вятки. Вотяки зовутъ Вятку Нукратъ, или Серебряная рѣка, а русскіе дали ей названіе по имени вотяковъ, жившихъ по ней: вотская рѣка или Вятка. Впрочемъ, слово «Серебряные» удержалось, какъ видно изъ лѣтописей, за тѣми изъ булгаръ,

1) См. „Сказки и преданія Самарскаго края“, Д. Н. Садовникова.

2) На это названіе первый указалъ Г. Ф. Миллеръ, извѣстный историко-графъ, путешествовавшій по прикаспскому краю въ 1733 г.

3) См. „Сѣвернорусскія народоправства“, Н. Костомарова.

которые жили или владѣли нижнимъ теченіемъ Вятки. Эти Серебряные булгары, въ союзѣ съ Камскими и Волжскими, нерѣдко принимали участіе въ битвахъ противъ русскихъ ¹⁾. Татаро-монголы называли русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ нукратцами. Это названіе они, вѣроятно, заимствовали отъ покоренныхъ ими булгаръ.

Вятка или, какъ думаютъ многіе, вотская рѣка, оказывается, однако, не одно и то же. Въ лѣтописяхъ вотяки въ первый разъ именуется отяками и потомъ стали прибавлять къ этому имени, въ видѣ придыханія, букву в, подобно тому, какъ многія древнерусскія слова сопровождаются этой же буквой въ началѣ: отчимъ, осмь, острый, оспа стали произноситься в-отчимъ, в-осемь, в-острый, в-оспа. Если Вятка получила свое названіе отъ отяка или вотяка, то съ какой же стати было измѣнять корневую букву о въ я? Такого произвольнаго перемѣщенія гласныхъ въ нашемъ языкѣ нигдѣ не встрѣчается. При томъ есть въ Вятской же губерніи другая рѣка, которая называется прямо уже Воткой. Эта рѣка составляетъ притокъ Сивы, впадающей въ Каму. По имени этой рѣки основанный близъ Камы заводъ и называется Камско-Воткинскимъ. Вѣрнѣе всего предположить, что названіе рѣки и области Вяткою произошло отъ вотскаго племени Вятка, которое, по преданію вотяковъ, жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии построенъ былъ городъ Хлыновъ ²⁾.

¹⁾ Объ участіи Серебряныхъ булгаръ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками въ битвѣ съ русскими упоминается въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ 1183 г., когда вел. князь Всеволодъ III, въ отпущеніе за набѣгъ булгаръ на русскую землю, предпринялъ походъ противъ нихъ. Несмотря на то, что булгары выступило противъ него 5 тысячъ, Всеволодъ одолѣлъ ихъ и заставилъ смириться.

²⁾ „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ“, изданіе Вятскаго Статистическаго Комитета.

III.

Первый русский городъ на Камѣ.—Его значеніе для русской колонизаціи.— Преданіе о Нормандскомъ хищникѣ, поселившемся на Камѣ.—Городъ Чистополь; кѣмъ онъ, по преданію, основанъ.—Село Жутогино.—Слѣды существованія Камскихъ болгаръ.—Находки болгарскихъ вещей.—Предполагаемые болгарскіе города на Камѣ.—Небреженіе къ древностямъ.—Остатки болгарскаго кладбища.—Могила Хаджи-Ахрара.—Указъ Петра I.—Булгарскія эпитаѳіи.

Русскую варницу Соль-Камскую (нынѣшній городъ Соликамскъ), основанную въ 1430 году, едва ли можно считать городомъ. Несомнѣнно, первымъ русскимъ городомъ на Камѣ былъ Лайшевъ, стоящій на нижнемъ теченіи Камы. Построенъ онъ былъ русскими въ 1557 г., какъ оплотъ противъ ногаевъ и другихъ туземцевъ. Во вновь устроенномъ городѣ были поставлены деревянные стѣны и башни. Охраненіе укрѣпленія поручено было стрѣльцамъ, привезеннымъ изъ Казани. Со времени покоренія оной, русскимъ и новокрещеннымъ татарамъ¹⁾ позволено было селиться на всемъ привольѣ Камскаго края и заниматься хлѣбопашествомъ. Но въ первые десять лѣтъ едва ли кто изъ русскихъ изъявлялъ желаніе селиться здѣсь, такъ какъ ногаи, черемиса и другіе туземцы не хотѣли признавать Московскаго владычества. Не только путь по Камѣ, но и по Волгѣ былъ первое время не безопасенъ²⁾. Для усмиренія камскихъ туземцевъ московскіе воеводы не разъ поднимались съ ратью съ устьевъ Камы вверхъ по ней и по р. Вяткѣ. Вновь основанный городъ Лайшевъ, подобно Васильсурску на Волгѣ, служилъ русскимъ опорой въ ихъ поступательномъ движеніи по Камѣ.

¹⁾ Какъ извѣстно, изъ числа татаръ первымъ, пожелавшимъ принять христіанство, былъ казанскій царь Едигеръ. При крещеніи онъ названъ былъ имеonomъ. Іоаннъ IV оказывалъ плѣвному казанскому царю явные знаки покровительства. Когда Едигеръ женился на дочери знатнаго сановника Кутузова, Маріи, то царь виѣстъ съ парицею были на его свадебномъ пиру. Кроме того, покоритель Казани, царь Іоаннъ IV, пожаловалъ Едигеру въ отчину городъ Руву и даже позволилъ ему до кончины своей удерживать титулъ царя.

²⁾ Вслѣдствіе волненій на Волгѣ и Камѣ принесенную изъ Хлынова въ Москву икону св. Николая Великорѣцкаго въ обратный путь несли не чрезъ Казань, а чрезъ Вологду и Устюгъ.

Городъ Лаишевъ съ пристани не виденъ. Его заслоняють высокія, утесистыя горы, которыя тянутся по правому берегу Камы. На этихъ горахъ, въ двухъ верстахъ отъ города, жилъ, по преданію, помѣщикъ-грабитель, который велъ родъ свой, будто бы, отъ норманновъ. Подобно средне-вѣковымъ баронамъ и феодаламъ, онъ построилъ свой домъ на подобіе замка и обвелъ его каменными стѣнами. Изъ его замка шелъ подземный ходъ на р. Каму. Отсюда-то этотъ хищникъ дѣлалъ съ своими холопами нападеніе на проѣзжающихъ по Камѣ и грабилъ ихъ ¹⁾. Ни развалинъ его замка, ни подземнаго хода не сохранилось, да и самое преданіе существуетъ не у мѣстныхъ жителей, а въ Казани.

Слѣдующій за Лаишевымъ по теченію вверхъ по Камѣ—городъ Чистополь. Какъ по числу жителей (25/т.), такъ и по доходности, это второй, послѣ Перми, городъ на Камѣ, съ прелестною рощицею по берегу. Городъ этотъ никто уже не основывалъ; онъ возросъ самъ собою. Начало городу, по преданію, положили бѣглецы изъ Сибири и холопы, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ. Бѣглецы эти, будто бы, около половины прошлаго столѣтія были выселены подъ конвоемъ, и начавшееся поселеніе опустѣло. Съ этого-де времени оно и стало называться Чистымъ полемъ. Есть и другое преданіе: бывшее здѣсь селеніе разорено непріятелями(?) и запустѣлое мѣсто получило отъ сосѣдей прозваніе Чистаго поля ²⁾. Последнее преданіе, по моему мнѣнію, больше имѣетъ вѣроятія: подъ непріателемъ можно разумѣть и разбойниковъ, иногда до тла опустошавшихъ селенія. Во всякомъ случаѣ, селеніе это ненадолго опустѣло, такъ какъ оно, при Екатеринѣ II, преобразовывается уже въ городъ, который и сталъ, благодаря выгодному географическому положенію быстро развиваться.

¹⁾ См. статью Ф. Д. Нефедова: «Этнографич. наблюденія по Волгѣ», напечатанную въ „Трудахъ Москов. Этнограф. Отдѣла“.

²⁾ См. статью А. Н. Сергѣева: „Опытъ объясненія названій русскихъ городовъ“, напеч. во 2 вып. „Нижегород. Сборника, посвященнаго памяти перваго русскаго Статистич. съѣзда 1870 г.“.

Неподалеку от Чистополя находится на берегу Камы село Никольское-Жукотино, основанное на мѣстѣ болгарскаго города Жукотина. Вообще въ Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ встрѣчаются кой-какіе слѣды существованія на сихъ мѣстахъ древнихъ болгаръ. На эти слѣды указываютъ названія урочищъ, признаки старыхъ селитьбищъ, городищъ съ развалинами каменныхъ стѣнъ, остатки кладбищъ и отдѣльныя могилы болгаръ. Къ числу признаковъ заселенія болгарами этихъ мѣстъ принадлежатъ также находки оружія, монетъ и вещей. Изъ находимыхъ вещей встрѣчаются слѣдующія: блюда, вѣсы изъ красной мѣди, желѣзные замки, серебряные перстни, зарукавья, браслеты, серьги, разноцвѣтныя бусы, пронизки, обломки зеркалъ, глиняные сосуды и проч.

По высказанномъ въ разное время учеными предположеніямъ (вѣрнымъ или невѣрнымъ—не берусь судить), болгарскими городами въ Привамьѣ были слѣдующіе: Ошель, Жукотинъ, Керменчукъ, Брахимовъ, Изгаръ, Биуларъ, Табулга-Атай, Кашанъ, Кызляръ, Кулай и нѣсколько болгарскихъ ауловъ съ неизвѣстными названіями ¹⁾. Ошель, Опла или Ашль стоялъ на самомъ устьѣ Камы и загораживалъ какъ бы путь въ нее. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ, по словамъ проф. Баженова, двумя рядами дубоваго тына и землянымъ валомъ. Изъ русскихъ лѣтописей извѣстно, что этотъ болгарскій городъ былъ сожженъ княземъ Святославомъ, братомъ великаго князя Юрія Всеволодовича. Жукотинъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго села Жукотина ²⁾. Этотъ городъ былъ

¹⁾ Разработкою вопроса о древнихъ памятникахъ и городахъ болгаръ занимались гг. Пономаревъ, Дихачевъ и Шпилевскій. Последний за свой трудъ, книгу, подъ заглавіемъ „Древніе города и другіе болгарско татарскіе памятники въ Казан. губ.“, удостоенъ отъ Академіи Наукъ большою золотою медалю.

²⁾ О мѣстѣ Жукотина и Ошеля историкъ Татищевъ говоритъ слѣдующее: „Суть же и еще города великіе (болгарскіе) видимы, яко на устьѣ Камы, на луговой сторонѣ, Жукотинъ; сказываютъ, великія развалины были; на нагорной сторонѣ, ниже Камы верстъ пять, былъ городъ Ашль“. «Исторія Россійская», Татищева, 1789 г., кн. 1, ч. 2. ^{Смѣни} Свѣдѣтель полагаетъ также, что городъ Жукотинъ стоялъ на устьѣ Камы. Большинство ученыхъ склоняется къ тому, что Ошель стоялъ на Волгѣ, недалеко отъ устья Камы.

взять и разоренъ въ 1391 г. новгородцами и устюжанами. Керменчугъ стоялъ выше Чистополя, на берегу рѣчки Курмени, близъ д. Ташъ-Кермень. Бряхимовъ, по мнѣнію Невоструева, стоялъ близъ Елабуги; остальные города стояли въ глубинѣ материка. Такъ, Изгарь стоялъ, по его же мнѣнію, близъ д. Никитской. По мнѣнію же В. А. Казаринова, здѣсь стоялъ Тубулга-Атау, такъ какъ татары и посейчасъ называютъ эту деревню Тубулга-Тауы. Городъ Бюларъ, предполагается, стоялъ въ 45 вер. отъ Камы на мѣстѣ нынѣшняго города Билярска. Кашанъ ¹⁾ и Кызляръ стояли на мѣстѣ четырехъ городищъ, замѣчаемыхъ между бассейномъ р. Шуранки и Сорочьими горами. Кулай стоялъ тамъ, гдѣ находится теперь селеніе Кулаево. Если изъ перечисленныхъ мною городовъ хоть половина дѣйствительно стояла здѣсь, по Камѣ, то Карамзинъ совершенно вправѣ былъ называть государство болгарское Камскою Булгаріею (а не Волжскою) ²⁾.

Нѣкоторыя болгарскія кладбища, по небрежности ли здѣшняго населенія, или по недостатку земель, пошли подъ пашню или подъ усадьбы, а камни надъ отдѣльными стоящими могилами исчезаютъ. Въ деревнѣ Нижне-Никитской, Чистопольскаго уѣзда, сохраняются остатки болгарскаго кладбища. Памятники надъ могилами стоятъ на дворахъ и огородахъ и если еще сохранились, то только потому, что о томъ просятъ татары, которые особо чтутъ болгаръ, считая ихъ какъ бы своими родоначальниками ³⁾. Близъ д. В. Никитской, справа отъ дороги, стоитъ памятникъ изъ камня высотой до 6 четв., лицомъ къ югу. Въ верхней половинѣ его изоб-

¹⁾ Подъ городомъ Кашанъ или Кашанъ можно разумѣть древнюю Казань или Иски Казань. Профес. Баженовъ утверждаетъ, что старая Казань, слѣды которой и теперь замѣтны, стояла въ Чистопол. уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ нынѣшней Казани.

²⁾ „Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина, том. I, гл. IX.

³⁾ Татары умно сдѣлали бы, если бы всѣ сохранившіеся памятники надъ могилами болгаръ увозили домой, а находимыя болгарскія вещи скупали. Если они интересуются древностями болгарскими, то отчего не составить изъ нихъ свой собственный болгарскій музей?